

ИСТОРИЯ НАУКИ

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАНГАЛОВ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ЭТНОГРАФА

Б.В. Базаров, С.Г. Жамбалова

Борис Ванданович Базаров | <http://orcid.org/0000-0001-5326-1317> | bazarov60@mail.ru | академик РАН, д.и.н., профессор, директор | Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, 670047, Россия)

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова | <http://orcid.org/0000-0002-2672-8126> | zhambalovas@yandex.ru | д.и.н., ведущий научный сотрудник | Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, 670047, Россия)

Ключевые слова

М.Н. Хангалов, биография, история этнографии, буряты, народный учитель, ученый

Аннотация

Статья посвящена малоисследованной биографии выдающегося бурятского этнографа и фольклориста, народного учителя Матвея Николаевича Хангалова. На архивных и литературных источниках рассмотрены история семьи Хангаловых, педагогическая, общественная и научная деятельность ученого, его обширное наследие. В статье прослеживается хронология исследований и издания работ М.Н. Хангалова, анализируются география его полевых выездов и научные контакты. Выявлены исторические, связанные с особенностями развития монголоведения и этнографии в Российской империи условия, способствовавшие наиболее полной реализации научного потенциала ученого.

Информация о финансовой поддержке

Государственное задание — проект “Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)” [№ 121031000243–5]

В 2023 г. исполнилось 165 лет со дня рождения выдающегося российского этнографа и фольклориста Матвея Николаевича Хангалова (род. 16.09.1858 в с. Закулей Нукутского р-на Иркутской обл. — ум. 17.02.1918 в с. Бильчир Осинского р-на Иркутской обл.). Хангалов занимает особое место в ряду бурятских ученых мирового уровня, всецело посвятивших себя науке. Жизнь Матвея

Статья поступила 08.11.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 22.03.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Базаров Б.В., Жамбалова С.Г. Матвей Николаевич Хангалов: интеллектуальная биография выдающегося этнографа // Этнографическое обозрение. 2024. № 3. С. 137–156. <https://doi.org/10.31857/S0869541524030082> EDN: BRCQEV

Bazarov, B.V., and S.G. Zhambalova. 2024. Matvei Nikolaevich Khangalov: intellektual'naia biografiia vydaishchegosia etnografa [Matvei Nikolaevich Khangalov: An Intellectual Biography of a Distinguished Ethnographer]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 137–156. <https://doi.org/10.31857/S0869541524030082> EDN: BRCQEV

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

Николаевича, народного учителя с большим педагогическим стажем, прошла в традиционном бурятском окружении, а его исследовательская деятельность была связана с губернским и столичными научными учреждениями России и с именами известных российских ученых. На протяжении многих лет Хангалов занимался полевыми исследованиями среди бурятского населения в Иркутской губернии, по месту своего постоянного проживания, и в г. Иркутске, куда ежегодно приезжал по несколько раз; летом 1917 г. он осуществил экспедицию в Забайкальскую область.

Историографический обзор работ о М.Н. Хангалове. Несмотря на большой список статей о Хангалове, опубликованных в XX–XXI вв., единственным серьезным специальным исследованием остается работа Е.М. Залкинда 1945 г. “М.Н. Хангалов”, базирующаяся на материалах из фонда ученого, хранящегося ныне в архиве Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее – ЦВРК ИМБТ СО РАН), и литературных источниках (Залкинд 1945). В 1983 г. П.Т. Хаптаев писал, что книга 1945 г. – наиболее полное биографическое исследование, посвященное Хангалову (Залкинд, Хаптаев 1983: 3). И это не случайно. Составление биографии интеллектуала, по мнению С.Г. Кцовой, “требует от исследователя достаточной профессиональной подготовленности в тех областях знания, которых он касается” (Кцова 2013: 82). Этой подготовленностью в полной мере обладал автор книги – Е.М. Залкинд, известный этнограф, выпускник ЛГУ, ученик В.Г. Богораза-Тана. По решению Ученого совета Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР (с 1997 г. ИМБТ СО РАН) к 125-летию со дня рождения выдающегося бурятского этнографа было осуществлено переиздание работы “М.Н. Хангалов”. П.Т. Хаптаев написал предисловие, куда включил некоторые сведения из дневников ученого и подробно охарактеризовал собрание его сочинений. П.Т. Хаптаевым также написан раздел “Шестьдесят лет спустя” (Залкинд, Хаптаев 1983: 3–23, 104–115).

В ряду публикаций о М.Н. Хангалове отметим статью М.П. Хамаганова, опубликованную к 100-летию со дня рождения ученого, в которой, несмотря на идеологизированность, была дана объективная высокая оценка научной деятельности этнографа и фольклориста. Его демократические общественно-политические взгляды подтверждены фактами, почерпнутыми из документов ученого (Хамаганов 1959). Кроме того, в 2010 г. в сборнике “Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона” вышла статья С.Г. Жамбаловой, посвященная биографии исследователя (Жамбалова 2010). А в 2020 г. был опубликован историографический обзор публикаций о Хангалове, в который вошли в том числе публицистические статьи советского и постсоветского времени (Жукова, Ангархаев 2020). В XXI в. на базе дневников Хангалова опубликован ряд небольших статей (Палхаева и др. 2020, 2021; Жукова и др. 2021; Жукова 2022).

Как видим, специальной работы о жизни и наследии М.Н. Хангалова, подготовленной на широкой источниковой базе, на данный момент нет. Это актуализирует изучение биографии ученого и открывает перспективы для дальнейшего специального исследования истории жизни и деятельности выдающегося бурятского этнографа.

Источники. Статья написана на основании архивных, литературных и публицистических материалов. Важным источником явился архив М.Н. Ханга-

лова (хранится в ЦВРК ИМБТ СО РАН), содержащий документы 1858–1918 гг., бережно сохраненные ученым; помимо рукописей статей здесь представлены: биографические материалы, удостоверения, открытые листы, проездные документы, формулярные списки, описи имущества, переписка и многое другое. Кроме того, авторы данной публикации проанализировали небольшую, введенную в научный оборот в 2010 г. рукопись В.А. Зареченского¹ “Воспоминания о Бильчирском училище”, которая хранится в Доме-музее М.Н. Хангалова при Бильчирской средней школе. В ней содержатся сведения о Бильчирском Николаевском двухклассном училище (далее – Бильчирское училище), вообще о специфике таких учебных заведений (работавших по Уставам 1828 и 1875 гг.), о социальных гарантиях для учителей, а также воспоминания о Хангалове (Жамбалова 2010). Важным источником стала и дневниковая запись Ц. Жамцарано о встречах с Матвеем Николаевичем в 1906 г. в с. Бильчир и на съезде бурятских учителей в Алари (Жамцарано 2011).

Семья. М.Н. Хангалов происходил из старинной уважаемой семьи, представители которой издавна занимали чины в инородческом управлении. Рассмотренные четыре колена родословной Матвея Николаевича свидетельствуют о том, что фамилия Хангалов закрепилась за родом в первой половине XIX в. Обращает на себя внимание тот факт, что в архиве ученого в ЦВРК ИМБТ СО РАН немало места занимают, как отмечает Г.Н. Румянцев, старинные документы, доставшиеся ученому по наследству. Один из них датирован 1703 г. (Румянцев 1958: 7).

Прадед Матвея Николаевича Балехай Баханов был сельским заседателем Иркутского совестного суда. Дед, Хангал Балехаев, известный среди сородичей своей грамотностью, в начале XIX в. был заседателем Степной конторы от 2-го Олзоева рода. Дед был женат трижды; от второй жены имел двоих сыновей – Николая (отец ученого) и Михаила. Дед “через убийство умер в 1835 г.”. Его третья жена, которую он взял после смерти второй, со своим имуществом вышла замуж за другого (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 1. Л. 8). Отец ученого, Николай Хангалов, прошел полный курс Балаганского приходского училища с похвальной грамотой (1841 г.), он записывал фольклорные материалы и слыл одним из лучших знатоков древних улигеров – мог рассказывать их по четыре дня кряду. Приверженность традиционной культуре не помешала ему креститься и в 1870-х годах стать членом Православного миссионерского общества. Хозяйство у Николая было довольно значительное. Его брат Михаил тоже был зажиточным человеком, имел большое хозяйство, занимал должность старосты 2-го Олзоева рода (Залкинд 1945: 7). Михаил рано умер, опекуном его жены и малолетнего сына был назначен Николай (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 1. Л. 3). У бурят бездетная вдова не имела права наследования и нередко возвращалась к своим родичам, забрав остатки своего приданого (Басаева 1980: 26). Поэтому после смерти мальчика началась судебная тяжба между родственниками (детьми второй жены и др.) и Николаем за наследство. Родственники подключили влиятельных бурят, недругов семьи Хангаловых. В тяжбу был вовлечен и М.Н. Хангалов. Ситуация вышла за пределы наследственного дела и приобрела характер борьбы двух кланов. Вопрос уже касался чести семьи и был связан с разоблачением чиновничьего произвола и коррупции. Репутация непримиримого врага взяточничества и насилия обрекла Матвея Николаевича на долгие годы гонений (Залкинд 1945: 11–13). Судебное разбирательство нашло отражение в архивных фондах, где сохранились прошения с подробным описанием истории семьи, подтвержденной

достоверными документами, представленными Николаем Хангаловым. Это информативные исторические источники (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 1. Л. 11–15).

Этот период жизни М.Н. Хангалова обстоятельно рассмотрен Е.М. Залкиндом. Он пишет: «Подобная борьба, названная впоследствии Матвеем Николаевичем “борьбой партий”, велась вокруг семьи Хангаловых, и она наложила свой отпечаток на судьбу будущего ученого, захватив целую полосу его жизни» (Залкинд 1945: 8). Судебное дело по обвинению в сопротивлении законной власти тянулось 11 лет. В 1884 г. М.Н. Хангалова спровоцировали на стрельбу из револьвера — хотел напугать людей, появившихся ночью у его дома. В 1895 г. его приговорили “к отдаче в исправительные арестантские отделения на 1 год, с заменой тюремным заключением и с сокращением срока в силу манифеста от 14 ноября 1894 г.” (Там же: 13). Пункт 3 статьи IV Манифеста, изданного по случаю бракосочетания Николая II, уменьшал для определенных групп судимых назначенные сроки на одну треть (Высочайший Манифест 1894). Е.М. Залкинд пишет: “8 месяцев, проведенные в Балаганском тюремном замке, были напоминанием об отравленных преследованиями годах молодости для человека, уже всецело поглощенного другими, более высокими интересами” (Залкинд 1945: 13).

У Николая Хангалова было трое сыновей, двоим он дал образование — старшему Ефиму и младшему Матвею. Средний сын Федор оставался дома и занимался хозяйством семьи, преимущественно скотоводческим. Ефим, умерший молодым, окончил уездное училище и некоторое время учительствовал в Унге. Фамилию отца прославил Матвей. Начальное образование он получил в Балаганском инородческом училище (1866–1869), показав отличные успехи. В архивном фонде ученого имеется Похвальный лист, подтверждающий это. В 1871 г. Матвей поступил как стипендиат Степной думы с пособием в 100 р. в Иркутскую губернскую гимназию. Впоследствии из-за проблем с классическими языками он оставил учебу по совету преподавателей и при их же содействии поступил в учительскую семинарию, которую окончил в 1876 г. (Там же: 8–9).

В 1891 г. М.Н. Хангалов женился на Данчиновой Дарье Егоровне (Маласханова 2015: 296). Дневниковые записи и архивные материалы свидетельствуют о семейном ладе, об уважительном отношении супругов друг к другу. Жена ведет домашнее хозяйство, муж занят научной, педагогической и общественной работой. Они нередко вместе бывают в гостях у коллег и родственников, выезжают на природу, ездят семьей в Иркутск. По традиционным представлениям, буряты не называют старших родственников и супругов по имени, а пользуются терминологией родства (Басаева 1980: 44–45), поэтому М.Н. Хангалов в дневниках называет Дарью Егоровну “жена”, а дочь в письмах по имени — “Соня”. Переписка между отцом и дочерью типична и для нашего времени. Софья пишет 13 марта 1911 г.: “Здравствуйте, дорогие мои папа и мама!!!! Я живу ничего, учусь старательно, как могу. Я посылку и 37 рублей получила. <...> Я берегу деньги как могу, ничего не покупаю”. В письме от 17 марта 1914 г. Матвей Николаевич пишет:

Дорогая и милая Соня! Мама прибыла благополучно. <...> Посылаю 17 рублей, купи себе жакетку или что желаешь, а часть денег оставь себе на расходы. Скоро не буду посылать денег. От хозяйки спроси, можно ли сделать перевод по почте за квартиру. <...> Милая Соня, напиши, как ты живешь в новой квартире. Мы живем благополучно. Посылаем тебе наше родительское благословение. Твой отец (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 3. Л. 3, 5).

Целый блок архивных материалов свидетельствует о стремлении родителей дать единственной дочери Софье высшее образование. Вопрос был связан с финансовыми проблемами, которые могли решиться за счет отказа Матвея Николаевича от научной и педагогической работы. В обсуждение были вовлечены петербургские товарищи. В письмах они обдумывали проблему, убеждали Хангалова не отказываться от исследований. Особенно впечатляют письма Ц. Жамцарано, его забота о сохранении бурятского этнографа для науки. Ц. Жамцарано, по просьбе Д.А. Клеменца, являлся посредником в сотрудничестве Матвея Николаевича с Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III (далее – РЭМ) (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 5. Л. 9–10).

Когда дочь поступила в Иркутскую женскую гимназию, потребовались деньги на оплату за квартиру (ежемесячно 35–40 руб.) и на содержание, а зарплата народного учителя была 40 руб. в месяц, научные труды не приносили дохода. В Иркутске Хангалов нашел хорошо оплачиваемое место сидельца в казенной винной лавке 1 разряда. Он планировал года через три-четыре вернуться к своим обычным занятиям народного учителя и исследователя (*Залкинд* 1945: 28–30). В конце концов Матвей Николаевич остался в Бильчирском училище, а издатели научных работ в письмах утешали его тем, что публикации, не приносящие никаких денег, не пропадут даром и будут изданы с “любовным вниманием” (Там же: 30–31). Софья Матвеевна Хангалова училась во Владивостоке на отделении Института восточных языков (1899), откуда вынуждена была уйти с 3 курса из-за материальных затруднений (*Залкинд, Хантаев* 1983: 60). Впоследствии она работала учителем: один учебный год (1917/1918 г.) в Ирхидейской школе (*Шагунова* 2017), а затем в Бильчирской школе. Сам М.Н. Хангалов трудился в этой школе до конца жизни. Е.М. Залкинд пишет: “2 марта (17 февраля) 1918 г. буряты Балаганского ведомства с глубокой скорбью собрались проводить в последний путь старого учителя, до конца оставшегося верным своему народу и горячо любимой науке” (*Залкинд* 1945: 59).

Семья Матвея Николаевича жила в достаточно хорошем, обустроенном, близком к городскому дому. Сейчас это Мемориальный дом-музей М.Н. Хангалова при Бильчирской средней школе. Здесь по возможности сохранен прежний интерьер, в который корректно вкраплены музейные стенды. В 2007 г. во время нашего полевого выезда в прихожей стояли стол с самоваром и буфет-шкаф, в кабинете – низкое бюро, сундук, покрытый ковром из камусов, на стенах размещались интересные и малоизвестные фотографии ученого в юности и в молодости, в спальне – резная деревянная кровать с наклонными спинками и стенкой, зеркало в фигурной деревянной оправе, в большой комнате располагался выставочный зал. В доме сложена русская печь без плиты со встроенным котлом (*тогоо*), есть сепаратор, мясорубка, высокий керамический сосуд (*Жамбалова* 2010: 15). К юбилею ученого в 2008 г. в музее была проведена реэкспозиция: размещены новые более современные стенды; кроме того, переставлены некоторые вещи (например, кровать перенесена в зал, зеркало перевешено в прихожую). В день конференции состоялось открытие мемориальной доски (Там же).

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX в. немало зажиточных предбайкальских бурят проживало в подобных домах. Так, в рукописи В.А. Зареченкова читаем, что недалеко от Бильчирской инородной управы «стоял новый под тесовой крышей дом, с высоким крепким забором. На доме вывеска “Торговля”. Это был дом Ник. Инок. Амагаева. Рядом с ним большой дом со светлицей – Данчиновой-Буртоновой» (*Зареченков* 1909).

Портрет ученого. Ц. Жамцарано, в 1906 г. для сбора этнографических материалов командированный из Санкт-Петербурга в Иркутскую губернию и Забайкальскую область, познакомился с М.Н. Хангаловым в Бильчире. Он пишет в своем дневнике:

У знаменитого Хангалова. С ним живут Н. Ип. Амагаев, один из деятельных учителей. М.Н. Хангалов меня интересовал давно. С его печатными трудами был знаком, и по рассказам других я имел некоторое представление о личности его. Мне рисовался он человеком в высшей степени энергичным и любящим бурят. И действительно, это был человек с энергичными хищными глазами, орлиным носом и увлекающимися губами. Вся его энергия, стремление вперед было направлено на изучение бурятской старины, на школу и на борьбу со всем, что стояло на пути препятствием. Рассказчик он незаменяемый, и сам увлекается, и других увлекает (*Жамцарано* 2011: 214).

В.А. Зареченсков, направленный в Бильчирскую школу после окончания учительской семинарии, так описывает свое знакомство с М.Н. Хангаловым:

На другой день, узнав, что училище в пяти верстах от Управы, я отправился к зав. училищем. Квартира заведующего была при училище — таков был общепринятый порядок, заведующие жили при училище. Встретил меня грузный, на вид добродушный старик, с тронутыми сединой волосами. Это был Матвей Николаевич Хангалов, с которым я работал до конца его жизни. Светлая память о Матвее Николаевиче сохранится у меня навсегда. Спокойный, рассудительный, уравновешенный, готовый прийти на помощь в любое время, он был образцом для меня и других работавших и встречавшихся с ним (*Зареченсков* 1909).

Целый ряд жизненных обстоятельств, прохождение через серию малых пограничных ситуаций сформировали Хангалова как уникальную личность. Этому также способствовали семейные традиции и устои, учеба в губернском городе, широкий круг очного и заочного общения с научными деятелями — среди них был и французский ученый П. Лаббе: вместе с Матвеем Николаевичем они провели полевые исследования, а позже переписывались.

Ц. Жамцарано отмечает:

Даже свою школу обставил [Хангалов] по-своему. Развесил на стенах онгонов, хадаки и пр. Его школа — маленький национальный музей, его сундук — целая кладовая, где собраны все труды Хангалова в течении 35 лет. <...> Постоянно имея дело с шаманами, онгонами, духами и пр., Хангалов сделался очень чутким ко всему чудесному, к волхвованию, влиянию на расстоянии и пр. (*Жамцарано* 2011: 214).

Он планировал “сняться в полном шаманском одеянии с колчаном со стрелами и луком”. В письме к Ц. Жамцарано Хангалов подчеркивал ценность такого источника (снимка) для последующих исследователей (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 5. Л. 15). Е.М. Залкинд пишет:

Все знавшие Хангалова единодушно отмечают его крайнюю настойчивость и целеустремленность. Никогда не расстававшийся с записной книжкой, в которую немедленно заносилось все, заслуживающее внимания, жадный к людям, из общения с которыми можно было почерпнуть что-либо полезное, он олицетворял собой истинного исследователя (*Залкинд* 1945: 37).

Хангалов пользовался всеобщим уважением. В своей рукописи В.А. Зареченсков отмечал, что «[н]а тайлаганах Матвей Николаевич был почетным гостем и уж “духарян” не проходил мимо него» (*Зареченсков* 1909).

Народный учитель. М.Н. Хангалов был известным авторитетным педагогом. Об этом свидетельствуют многие архивные документы. Так, в 1906 г. в Алари Ц. Жамцарано сделал следующую запись: “Съезд бурятских учителей <...> Было до 25 человек во главе с Хангаловым и Амагаевым” (*Жамцарано* 2011: 222). Руководство школ региона ценило Матвея Николаевича как опытного педагога и не раз назначало его председателем экзаменационных комиссий в училищах, в том числе в городском и церковно-приходском. Хангалов участвовал в многочисленных мероприятиях, направленных на совершенствование преподавания в школе, много размышлял о путях улучшения образования бурят. Эта тема хорошо раскрыта в работе Е.М. Залкинда (*Залкинд* 1945: 14–21). Привлекает внимание следующий сюжет из педагогической деятельности ученого: его желание (которое, к сожалению, не осуществилось) в 1903 г. организовать школьную экскурсию в Санкт-Петербург и Москву за счет государственных средств. Он верил, что ученики могут стать проводниками и апологетами нового, более культурного образа жизни, стремился реформировать бурятскую школу, вносил много разумных предложений. Для взрослых по субботам в школе или в улусах он демонстрировал диапозитивы, иллюстрирующие научные открытия, и давал пояснения на бурятском языке (Там же: 16–17, 21).

М.П. Хамаганов считает, что Хангалов проработал учителем 42 года: в Кудинской школе — 8 лет, в Закулейском училище — 3 года, в Бильчирском училище — 31 год (*Хамаганов* 1959: 98). Эта цифра спорна, а ее уточнение требует специальных изысканий. По архивным данным, по окончании семинарии Хангалов с 1876 г. работал в должности учителя Кудинского инородческого училища с жалованьем 350 руб. в год, увеличенном позднее до 422 руб. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 2. Л. 11–13). С 13 декабря 1893 г. он “отставной учитель”: отставка связана с судебной тяжбой за наследство дяди Михаила, которая требовала много времени. С 1899 по 1902 г. он работал в родном улусе Закулей, где построил школу и был ее первым учителем. Здание школы — одноэтажное строение сложной планировки с 14 окнами, с наличниками, фризом и карнизом с пропиленной резьбой является памятником истории и культуры районного значения (Нукутский р-н Иркутской обл.), но в настоящее время оно заброшено (*Бурушкина* 2019). В архиве имеется удостоверение, выданное Унгинской инородческой управой 22 июня 1900 г. М.Н. Хангалову как учителю Закулейского инородческого министерского училища, где указано, что он имеет жену Дарью Егоровну 31 года и дочь Софью 4 лет (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 2. Л. 16). В 1902 г. Матвей Николаевич был переведен в Бильчирское училище на должность заведующего и учителя 1 класса. Училище имело два класса с тремя отделениями в каждом; работало три учителя, обучалось около 80 человек. Здесь Хангалов проработал до конца своей жизни (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 82. Л. 72). Находящееся в пяти

верстах от Бильчирской инородной управы училище, как отметил в своей рукописи В.А. Зареченсков, имело приличный внешний вид и было хорошо оборудовано (Зареченсков 1909).

В рукописи В.А. Зареченскова есть материалы о народных школах и народных учителях, раскрывающие новые грани биографии Хангалова. Школы по уставу 1828 г., в том числе Бильчирская, назывались приходскими и пользовались определенными привилегиями (которых не было у школ по уставу 1875 г.). Учителя при устройстве на работу получали денежное пособие в размере 1/3 годового оклада. По истечении 25 лет службы им была положена пенсия, равная полному окладу, независимо от того, продолжал человек работать или нет (Хангалов получал пенсию 50 руб.). Учителю присваивался чин “коллежский регистратор 14-го класса” и давалось право в парадных случаях надевать, а при выходе в отставку “с мундиром и пенсией” носить мундир со шпагой. Чиновник исключался из податного сословия, т. е. не платил налоги, не мог быть подвергнут телесным наказаниям, он имел право обучать своих детей в привилегированных учебных заведениях (дочерей в Институте благородных девиц, а сыновей в кадетском корпусе) (Зареченсков 1909). Т.И. Еремина подчеркивает, что это было важно для учителей – выходцев из податных сословий, получивших образование в учительских семинариях и по происхождению или образованию не имевших права поступать на государственную службу, а также на чинопроизводство (Еремина 2008: 74–79). В.А. Зареченсков пишет: “Первыми получившими чин 14-го кл. в Бильч. 2-кл. уч. были Матвей Николаевич Хангалов, Николай Иннокентьевич Амагаев, я и учитель Григорьев Михаил Иванович. Об этом я прочитал в Иркутских Губернских Ведомостях, официальном органе, на второй год моей работы” (Зареченсков 1909).

В статье “Подвижная школа” Хангалов говорит о неоправданном размещении бурятских школ возле малолюдных Степных дум и инородных управ (Хангалов 1959). Действительно, поселение Бильчирской инородной управы, в 5 км от которой находилось училище, состояло из конторы, земской квартиры, фельдшерского пункта, квартиры писаря, церкви, дома священника и кладбища (Зареченсков 1909). Это было типичное административное поселение. М.Н. Хангалов предлагал строить школы возле многонаселенных улусов и в центре ведомств, обосновывая это примерами из истории просвещения бурят. При этом Матвей Николаевич свободно оперировал достоверными статистическими данными, знанием мест нахождения улусов и т.д. Он отмечал стремление бурят обучать детей грамоте и то, что многие люди смотрят на училища “как на полезные учреждения, дающие первоначальное образование” (Хангалов 1959).

Будучи заведующим Бильчирской школы, Хангалов, замечательный педагог, помогал лучшим ученикам поступать в средние и высшие учебные заведения, ходатайствовал перед руководством образовательных учреждений об их зачислении, оказывал материальную поддержку, проводил сбор средств. Известны письма учеников, адресованные ему с обращением “наш любимейший учитель”. Среди его учеников были известные общественно-политические деятели Бурятии М.М. Сахьянова, М.Н. Амагаев и др. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 9). На Доске почета Бильчирской средней школы портреты ее выпускников, 6 из которых стали ректорами вузов, 10 – докторами, 20 – кандидатами наук, 17 получили звание “мастер спорта”. Сегодня Бильчирская средняя школа им. М.Н. Хангалова Осинского района Иркутской области – современный плацдарм для углубления исторической памяти об ученом и меморизации его имени.

Научное наследие и издание работ ученого. Архив ученого хранится в нескольких городах РФ. По просьбе Буручкома в 1926 г. часть документов ученого была подарена его супругой Дарьей Егоровной Хангаловой архиву ЦВРК ИМБТ СО РАН (Базаров, Плеханова 2021), часть передана дочерью Хангалова Софьей Матвеевной в 1950 г. в Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова г. Улан-Удэ (МИБ). В Санкт-Петербурге архив ученого, включая статьи и переписку, хранится в Институте восточных рукописей РАН и в Российском этнографическом музее. Имеется архив Хангалова и в Иркутском областном краеведческом музее им. Н.Н. Муравьева-Амурского (ИОКМ) (Румянцев 1958: 6–7). Часть наследия ученого – собранные им вещественные памятники, представляющие собой уникальные экспонаты – хранится в ряде музеев, в том числе в ИОКМ. В коллекционной описи музея имеются: “Фонд М.Н. Хангалова” (№ 5899); “Коллекция по онгонам”³ (№ 7365); “Коллекция онгонов, приобретенных на средства отдела М.Н. Хангаловым” (№ 7382); “Этнографические коллекции, доставленные Хангаловым. Коллекция шаманских онгонов Балаганского и Иркутского уездов” (№ 7365); “Коллекция предметов по шаманству из Балаганского уезда от М.Н. Хангалова” (№ 5899) (Маласханова 2013: 253). Вещественные памятники хранятся также в фондах музеев Санкт-Петербурга, Улан-Удэ и Франции. Мемориальные вещи личного характера, а также предметы музейного значения переданы родственниками в МИБ.

Научное наследие М.Н. Хангалова огромно. Основная часть научных трудов была опубликована еще при жизни выдающегося этнографа, были архивированы и его рукописи. Многие вышедшие в советское время работы без дополнений были переизданы в первые десятилетия XXI в. – они отличаются научной глубиной, а часть и значительным объемом. Две статьи подготовлены ученым в соавторстве: одна – “Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии” – написана совместно с Н.Н. Агапитовым (Агапитов, Хангалов 1883), другая – “Общественные охоты у северных бурят (Зэгэтэ-аба – охота на росомах)” – с Д.А. Клеменцем (Клеменц, Хангалов 1910). В журнале “Известия ВСОРГО” вышли три статьи (Хангалов 1880, 1888, 1900) и два шаманских предания и поверья “Суд заянов над людьми” и “Предания и поверия унгинских бурят”. Отдельными книгами были изданы в “Записках ВСОРГО по этнографии” “Новые материалы о шаманстве бурят” (Хангалов 1890) и в “Трудах ВСОРГО” известный “Балаганский сборник”, в котором представлены сказки, поверья и некоторые обряды северных бурят (Хангалов 1890). В журнале “Этнографическое обозрение” были опубликованы статьи “Несколько данных для характеристики быта северных бурят” (Хангалов 1891) и “Юридические обычаи у бурят” (Хангалов 1894). В 1889 и 1890 гг. в “Записках ВСОРГО” вышло еще два сборника, в которых приведены фольклорные записи Хангалова⁴. Впоследствии материалы ученого из этих сборников вошли в третий том Собрания сочинений (Хангалов 1961). Есть небольшие заметки Хангалова, опубликованные в журналах без указания фамилии автора. Позднее они обоснованно были включены в Собрание сочинений (Т. 3). Публикации, вводящие в научный оборот новые достоверные этнографические материалы, при жизни ученого неизменно вызывали большой интерес, дискуссии и получали высокую оценку российских исследователей. По мнению П.Т. Хаптаева, очень много интересного материала, хранящегося в архивах страны, осталось неизданным (Залкинд, Хаптаев 1983: 19).

В 1950-е годы к 100-летию со дня рождения и 40-летию со дня смерти М.Н. Хангалова Бурятский комплексный НИИ СО АН СССР провел огромную работу по изданию собрания его сочинений в трех томах (издано в Улан-Удэ “Бурятским книжным изд-вом” в 1958–1961 гг.). Это было первое тщательно подготовленное, снабженное научно-справочным аппаратом и комментариями собрание сочинений ученого. Ответственный редактор издания Г.Н. Румянцев написал предисловие к каждому тому, составил примечания и указатели. Б.С. Семичов подготовил к печати 15 статей по рукописям и черновикам Хангалова, хранящимся в ЦВРК ИМБТ СО РАН и в секторе рукописей Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН). Одну рукописную статью о подвижной школе подготовил Г.О. Туденов. В предисловии отмечается, что эти статьи публикуются впервые, они основаны на полевых записях; при редактировании по возможности сохранялся “стиль и дух работ М.Н. Хангалова” (Румянцев 1959: 3). Большую помощь в поиске материалов в Иркутске оказали Ф.А. Кудрявцев, Н.О. Шаракшинова и З. Тагаров (Румянцев 1958: 3–8).

По инициативе “Бурятского книжного издательства” второе издание Собрания сочинений М.Н. Хангалова состоялось в 2004 г. В 2021 г. начато очередное (третье) переиздание трехтомного Собрания сочинений. Издательство “Нова-Принт” пока опубликовало первый том (568 с., тираж 1000 экз.). Переиздание работ М.Н. Хангалова в XXI в. — дань уважения и признательности выдающемуся ученому, знаменитому представителю бурятского народа, свидетельство востребованности публикаций этнографа не только в научном мире, но и в современном бурятском социуме. Нельзя исключать и коммерческие цели издательств — книги разошлись мгновенно.

Хронология научной деятельности. Научная деятельность М.Н. Хангалова началась рано. Его тяга к изучению этнографии бурят была обусловлена все возрастающим интересом к изучению истории и культуры народов Российской империи, исторической обстановкой в стране и конкретно в Иркутске. В 1851 г. в городе был открыт Сибирский отдел РГО (СОРГО), впоследствии переименованный в Восточно-Сибирский отдел РГО (ВСОРГО). Образованные люди передовых взглядов — А.П. Шапов, Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц (политссыльный, после отбытия ссылки переехавший в Иркутск) и др. — начали сбор этнографических коллекций и экспедиционное изучение народов Азиатской России. В 1854 г. Иркутский музей (впоследствии ИОКМ) был передан в ведение ВСОРГО и стал центром экспедиционной и издательской деятельности (Колесник и др. 2001: 8). Г.Н. Потанин подготовил и опубликовал в дополнениях к “Известиям ВСОРГО” методические пособия для сбора полевых материалов. В 1880–1890-е годы ведущим направлением ВСОРГО становится изучение этнографии народов Сибири и Дальнего Востока (Маннапов, Псянчин 2023: 391).

Сбор этнографических коллекций для музея проводился по определенным программам, разработанным ВСОРГО. В 1905 г. к одной из программ решено было дополнительно привлечь 147 человек. На заседаниях секций выступали исследователи, обсуждались полученные результаты. Так, в 1888 г. секция этнографии провела два заседания, на одном из которых было заслушано сообщение М.Н. Хангалова “Об облавной охоте на зверей у древних бурят” (Маласханова 2013: 252–253). Статья на эту тему была опубликована в “Известиях ВСОРГО” в 1888 г. (Хангалов 1888).

Еще будучи семинаристом, М.Н. Хангалов получил задание написать реферат на свободную тему и представил сочинение “Обряд теломытия у шаманов”. Реферат заинтересовал преподавателя педагогики, правителя дел ВСОРГО Н.Н. Агапитова. После завершения учебы М.Н. Хангалов продолжил сотрудничество с Н.Н. Агапитовым, который оказывал молодому исследователю серьезную поддержку, направлял его работу, помогал в обработке результатов, брал с собой в экспедиции. В 1881 г. Н.Н. Агапитов и М.Н. Хангалов проводят совместные исследования шаманства у байкальских, кудинских и балаганских бурят, а по результатам экспедиции в “Известиях ВСОРГО” публикуют статью “Материалы для изучения шаманства Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии” (Агапитов, Хангалов 1883). Успешной реализации цели и задач экспедиции, бесспорно, помогло пособие РГО по организации сбора информации о религиозной практике среди монгольских народов (Маннапов, Псянчин 2023).

Статья, написанная в соавторстве с Н.Н. Агапитовым, была удостоена малой золотой медали РГО и положила начало научной деятельности Хангалова. Ему всего 25 лет, а его имя уже известно в российских научных кругах. Начинается переписка с Г.Н. Потаниным, позднее с Д.А. Клеменцем и А.М. Станиловским. В 1888 г. в возрасте 30 лет по рекомендации Г.Н. Потанина и Н.Н. Агапитова Матвей Николаевич избирается членом РГО — это можно расценивать как официальное признание его высоких заслуг (Залкинд 1945: 9, 22).

С 1889 по 1903 гг. были изданы три сборника бурятского фольклора, подготовленные к изданию Г.Н. Потаниным. Третий, наиболее ценный по своему материалу “Балаганский сборник”, был составлен М.Н. Хангаловым по его полевым записям. Именно на это время, конец 1880-х — 1890-е годы, приходится наибольшее число прижизненных публикаций ученого. В работах он охватывает широкий круг проблем бурятской этнографии, создает достоверную панораму повседневной/профанной и священной/сакральной жизни народа.

В 1902 г. М.Н. Хангалов, уже опытный исследователь, проводит полевые этнографические работы с французским этнографом академиком П. Лаббе — они изучают шаманство унгинских бурят. По результатам экспедиции в 1903 г. Матвей Николаевич получает от Министерства народного просвещения и изящных искусств Франции диплом о присвоении ему звания лауреата Французской академии (*officier de Academie*). Об этом событии ему сообщает П. Лаббе в письме: “Министр пожаловал орденом. Вы теперь кавалер академии. Я очень рад, Вам мои поздравления! Диплом вы скоро получите от французского посланника из Петербурга. <...> Когда буду в Париже, я покупаю для Вас знак ордена” (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 1. Л. 18). К этому времени авторитет М.Н. Хангалова в среде ученых высок, к нему обращаются различные организации с просьбами о консультации и с предложениями (Залкинд 1945: 26–27) — но Матвей Николаевич откликается в основном на те, что связаны с серьезным научным изучением этнографии бурят.

Д.А. Клеменц в 1907–1908 гг., уже проживая в Санкт-Петербурге, продолжает содействовать М.Н. Хангалову, с которым познакомился в Иркутске, будучи в 1891–1894 гг. правителем дел ВСОРГО. С 1902 по 1910 гг. Д.А. Клеменц — хранитель Академического этнографического музея Императора Александра III (РЭМ) в Санкт-Петербурге. Он добивается финансирования полевых этнографических работ Хангалова и выделения денег на приобретение коллекций для музея. Посредником в переговорах выступил Ц. Жамцарано, учившийся и рабо-

тавший в то время в Санкт-Петербурге. В архиве ученого представлена переписка с Хангаловым, свидетельствующая о том, что в Санкт-Петербурге знали об обстоятельствах жизни бурятского ученого, о финансовых трудностях, связанных с обучением единственной дочери в Иркутской гимназии. Коллеги стремились способствовать исследованиям Хангалова, убеждали не оставлять научную деятельность, понимая ценность его изысканий, искали пути финансовой поддержки (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 5. Л. 3).

Ц. Жамцарано убеждает ученого в необходимости сотрудничества с РЭМ. В письме от 25 марта 1907 г. он пишет: “А от музея — ведь вы будете получать, просто сидя в училище, проживая деньги во время каникул на командировки и приобретение. <...> Ваш бюджет будет таков: учительское жалованье в год 480 руб., да от музея 360 — итого 840 и плюс командировочные и коллекционные” (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 5. Л. 10). В январе 1907 г. М.Н. Хангалов сообщает Ц. Жамцарано о своих приобретениях для музея: “Я достал полный и настоящий оргой, майхабши, унты, туг и много прочего, которые пошлю в музей Александра III” (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 5. Л. 15). Эти уникальные предметы шаманского культа в начале XX в. уже были редкостью.

Есть данные о том, что от музея в 1908 г. всего было ассигновано 1000 руб., из них 400 руб. — вознаграждение за работу, 600 руб. — на поиск и приобретение коллекций (Залкинд 1945: 31). Эта дотация позволила ученому значительно расширить ареал полевых исследований: Матвей Николаевич смог поработать в Балаганском уезде, Нельхайском, Унгинском, Куйтунском, Аларском и Ныгдинском ведомствах Иркутской губернии, где он собрал уникальные материалы (25 объемистых тетрадей), а также обширные коллекции, которые постепенно, по мере обработки, отправлял в Санкт-Петербург (Там же: 33–34). Известно, что в 1910 г. музей планировал пригласить Матвея Николаевича к себе для описания коллекций и разбора рукописей, но мечта ученого побывать в столице России так и не осуществилась (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 82. Л. 112). В 1909 г. музей не смог профинансировать продолжение работ Хангалова, и он согласовывает с Д.А. Клеменцем передачу материалов, собранных без какой-либо финансовой поддержки, в музей ВСОРГО в Иркутске (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 76. Л. 19).

М.Н. Хангалов, уже известный ученый, в свою очередь поддерживал С.П. Балдаева⁵ в период его формирования как фольклориста и этнографа, который после Иркутской учительской семинарии, работая учителем, активно занимался сбором фольклорных и этнографических материалов. С.П. Балдаев сопровождал М.Н. Хангалова в его полевых работах на Ольхоне, вместе они совершили несколько выездов в Кудинскую степь (Жамбалова 2000: 37; НБРБ 2019).

ВСОРГО сыграл огромную роль в становлении М.Н. Хангалова как ученого, исследователя бурятской этнографии. По мере возможности отделение финансировало его научную работу, в 1916 г. пригласило его в Иркутск для описания некоторых коллекций по шаманизму, заплатив ему 50 руб. на дорогу и по 5 руб. суточных. Летом 1917 г. командированный ВСОРГО Хангалов провел экспедиции по изучению шаманства у агинских бурят в Цугольской и Шулудинской волостях Читинского уезда Забайкальской области (Залкинд 1945: 36). Это была первая и последняя поездка Матвея Николаевича к бурятам-буддистам, он оставил дневниковые записи со своими впечатлениями о крупных забайкальских дацанах. В этот же период ученый выезжал для изучения шаманства в Ангинскую и Ленскую волости Верхоленского уезда Иркутской губернии (Там же: 36).

* * *

Многие известные представители бурятского народа внесли значительный вклад в историю российской и мировой науки и культуры. И в этой блестящей плеяде научных и общественных деятелей XIX – начала XX в. М.Н. Хангалов занимает одно из первых мест наряду с Д. Банзаровым и Г.Ц. Цыбиковым.

Появление в российской науке видных бурятских ученых не в последнюю очередь было обусловлено особенностями развития монголоведения и этнографии в стране. Интеллектуальная биография Д. Банзарова свидетельствует о глубине адаптации бурят в первой половине XIX в. к практике российской жизни, об их включенности в социально-экономическую и политическую действительность страны, а также о взаимодействии бурятской/внутреннеазиатской традиционной и российской/европейской научной культур (Жамбалова 2021: 110–117). Этническая территория бурят благодаря трансграничному положению стала плацдармом для развития российского монголоведения, а многие буряты вовлекались в этот процесс и добивались значительных результатов. Во второй половине XIX в. крупные русские ученые-этнографы из центральных городов страны с помощью отделений РГО основали научную сеть по изучению народов России и, в частности, народов Восточной Сибири. К исследовательской работе привлекалась талантливая молодежь, в том числе представители коренного населения – народные учителя, тайши и др.

Научная ценность трудов М.Н. Хангалова заключается прежде всего в том, что они основаны на колоссальном достоверном полевом этнографическом материале, собранном у бурят Предбайкалья и отчасти Забайкалья. Подлинный интерес к истории своего народа, к хозяйственной стороне жизни, к народной повседневности и культуре, к священному, сакральному миру и его символам, наблюдательность, пытливый ум и огромная работоспособность позволили М.Н. Хангалову собрать и сохранить материальные/вещественные и нематериальные/духовные ценности бурятского народа, лучшие памятники его культуры. В.А. Зареченсков писал:

Всю свою жизнь он посвятил бурятскому народу и как учитель, и как ученый-этнограф. Все свое свободное время он проводил в собирании материалов – предметов бурятского обихода и культа – изображений богов и божков, онгонов, шаманских одеяний и атрибутов, бубнов и т.п. Он описывал все народные бурятские обычаи при рождении, брачные и похоронные. Не пропускал он ни одного тайлагана, и ни один шаман не мог спастись от его расспросов, причем шаманы относились к нему не только с уважением, но и слегка побаивались его, так как он знал народные обычаи и культ шаманства куда лучше, чем сами шаманы (Зареченсков 1909).

М.Н. Хангалов обладал талантом ведения полевой этнографической работы. Умение располагать к себе людей, вызывать доверие, искусство глубокого и длительного общения свойственны не каждому исследователю. Сбор полевых материалов и приобретение у населения вещественных предметов музейного значения – нелегкое занятие. Особенно сложно было записывать сведения о шаманстве и приобретать шаманские атрибуты: буряты считали грехом продажу семейных шаманских реликвий. Ученому удавалось преодолевать страх и недоверие веру-

ющих, их естественное стремление не только сохранить сакральные предметы, но и уберечь от фиксаций в виде записей и рисунков сокровенные тайны рода. Нередко приходилось убеждать в необходимости такой работы и местные власти.

В полевых исследованиях М.Н. Хангалову помогали уважительное отношение населения к нему как к учителю, любовь его учеников. Об этом свидетельствуют следующие строки из его письма Д.А. Клеменцу: “Служа учителем и пользуясь любовью детей, я могу все сделать, для меня все будет открыто и доступно” (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 367. Л. 38). Профессиональные качества педагога, этнографа и фольклориста позволили М.Н. Хангалову записать бесценные полевые материалы, собрать для известных музеев уникальные коллекции, пополнившие сокровищницу мировой науки. Ученый объективно оценивал результаты своей научной деятельности: “Я все-таки упорным трудом достиг своей цели, имею ясное и отчетливое представление о шаманах, онгонах, религиозных обрядах и пр.” (Залкинд 1945: 37; ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 367. Л. 29).

Опубликованные и неопубликованные архивные материалы ученого становятся важным источником изучения этнографии и фольклора сибирских народов. Развитие гуманитарной науки в Бурятии в определенной степени обусловлено имеющимся колоссальным, собранным ранее в ходе полевых исследований материалом, требующим новых интерпретаций. Каждый бурятовед “стартовал”, опираясь на идеи и богатую источниковую базу, подготовленную М.Н. Хангаловым. Так, не в последнюю очередь влиянием работ ученого обусловлен выбор научных тем Т.М. Михайловым, занимающимся в том числе изучением бурятского шаманизма (Михайлов 1980, 1987). А словарь-справочник И.А. Манжигеева, изданный в 1978 г. как опыт атеистической интерпретации религиозных верований бурят, содержит более 1000 мифологических, культовых, обрядовых терминов по бурятскому шаманизму, значительная часть которых взята из работ М.Н. Хангалова. Монография С.Г. Жамбаловой “Традиционная охота бурят” вдохновлена излюбленной темой ученого — *зэгтэ аба* — коллективной облавной охотой; ей посвящена отдельная глава монографии (Жамбалова 1991). Имеются также другие важные работы из этого ряда. Научное наследие ученого содержит большой, не до конца раскрытый потенциал. Многие вопросы шаманства, этнографии, фольклора бурят, несмотря на целый ряд серьезных научных исследований, все еще полностью не изучены. Память о М.Н. Хангалове как выдающемся ученом, несмотря на прошедшие годы, жива и сегодня среди бурятского населения Иркутской области и Республики Бурятия. Книга Е.М. Залкинда давно стала библиографической редкостью; необходимо новое монографическое исследование о Хангалове.

Во времена Российской империи бурятские ученые были более известны в научном мире России и мира, чем в среде своего народа. В СССР на государственном уровне проводилась работа по сохранению творческого наследия многонациональной страны, памятников устного народного творчества (в том числе эпоса “Гэсэр”), по сбережению в исторической памяти имен выдающихся представителей разных народов. Активные процессы возрождения этнической идентичности у бурят в конце XX–XXI вв., поиски родовых корней, создание родословных, стремление к познанию и практике традиционных бурятских обрядов и обычаев, международные бурятские фестивали “Алтаргана” и “Ёрдынские игры” вывели интерес к наследию народа, к известным бурятским ученым, изучавшим его, на принципиально новый уровень.

Сама биография выдающегося этнографа и фольклориста подтверждает значительную степень социальной адаптации бурят в конце XIX в. к реалиям российской жизни. Научная судьба М.Н. Хангалова была предопределена спецификой развития этнографической науки в России, его знакомством с членами ВСОРГО и со столичными учеными, а также активным сотрудничеством с ними. Обширное научное наследие ученого востребовано и сегодня, а имя Матвея Николаевича Хангалова сохраняется в памяти бурятского народа.

Примечания

¹ В.А. Зареченсков с 1909 г. после окончания Иркутской учительской семинарии работал в Бильчирском училище.

² *Духаряан* — чарка; обычай ритуального коллективного употребления алкогольного напитка из одной чаши, которую передают по кругу все присутствующие. Устраивается по знаменательному семейному или общественному поводу.

³ *Онгон* (с монг. “девственно-чистый”, “священный”, “изначальный”) — культовое изображение духа предков семьи или рода в культуре монгольских и тюркских народов; делался из кожи, войлока, меха, ткани, металла, камня.

⁴ Сказания бурят, записанные разными собирателями // Записки ВСОРГО по этнографии. 1890. Т. 1. Вып. 2; Бурятские сказки, записанные М.Н. Хангаловым, о. Н. Затопьевым и другими // Записки ВСОРГО. 1889. Т. 1. Вып. 1.

⁵ С.П. Балдаев (1889–1979) — известный советский фольклорист и этнограф, кандидат филологических наук.

Источники и материалы

Бурушкина 2019 — Бурушкина Н. Мой Нукутский район. 05.04.2019. <https://ok.ru/mynukutskydistrict/topic/69343696500066>

Высочайший Манифест 1894 — Высочайший Манифест о Всемилостивейше дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Величества, Государя Императора Николая Александровича (1894 г., Ноября 14) // Русский портал. https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1894_11_14_02&ysclid=longlygu8p393923654

Зареченсков 1909 — Зареченсков В.А. Воспоминания о Бильчирском училище (рукопись) // Дом-музей М.Н. Хангалова при Бильчирской средней школе.

НБРБ 2019 — Выдающийся бурятский фольклорист и этнограф // Научная библиотека Республики Бурятия. 15.10.2019. http://nbrb.b7site.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=20558

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1.

Шагунова 2017 — Шагунова Л. Ирхидей: “Мое село — моя любовь и гордость” // Общественно-политическая газета “Областная”. 25.01.2017. <https://www.ogirk.ru/2017/01/25/irhidej-moe-selo-moya-lyubov-i-gordost>

Научная литература

Агапитов Н.Н., Хангалов М.Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии // Известия ВСОРГО (Иркутск). 1883. Т. XIV. № 1–2. С. 1–61.

- Базаров Б.В., Плеханова А.М. Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929 гг.): этапы становления и организация первых научных исследований // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 697–709.
- Басаева К.Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX века). Новосибирск: Наука, 1980.
- Еремина Т.И. Государственная служба учителей ведомства Министерства народного просвещения в начале XX века // *Вестник Герценовского университета*. 2008. № 5 (55). С. 74–79.
- Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991.
- Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск: Наука, 2000.
- Жамбалова С.Г. О жизни и деятельности М.Н. Хангалова: известные и малоизвестные факты // *Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона* / Отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 6–20.
- Жамбалова С.Г. Биография Д. Банзарова: практика взаимодействия внутренней азиатской традиционной и европейской научной культур в России в XIX в. // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2021. № 1 (43). С. 110–117.
- Жамцарано Ц. Путевые дневники. 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011.
- Жукова Н.Е. Дарья Егоровна Хангалова: к проблеме биографии жены бурятского этнографа // *Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию высшего языкового образования в Забайкальском крае. Ч. 1* / Отв. ред. Е.В. Дроботушенко, Ю.Н. Ланцова. Чита: ЗабГУ, 2022. С. 126–129.
- Жукова Н.Е., Ангархаев Б.Б. Научное наследие Матвея Николаевича Хангалова в трудах ученых Байкальского региона // *Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2020. № 1. С. 43–50.
- Жукова Н.Е., Палхаева Е.Н., Паликова Т.В. “Учителя или учительницы занимаются охотно и не жалуются”: этнограф М.Н. Хангалов на службе у просвещения // *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2021. Вып. 2. С. 20–27.
- Залкинд Е.М. М.Н. Хангалов. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1945.
- Залкинд Е.М., Халтаев П.Т. М.Н. Хангалов. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1983.
- Клеменц Д.А., Хангалов М.Н. Общественные охоты у северных бурят (Зэгэтэ-аба – охота на росоммах) // *Материалы по этнографии России (СПб.)*. 1910. Т. 1. С. 117–154.
- Колесник Л.М., Пушкина Т.Л., Свинин В.В. ВСОРГО и музейное дело в Иркутске // *Краеведческие записки*. Вып. 8. Иркутск: Оттиск, 2001. С. 5–27.
- Кцолева С.Г. Методологические аспекты составления интеллектуальной биографии ученого (опыт междисциплинарного исторического исследования жизни и творчества Карла Ясперса) // *Грамота*. 2013. № 9. Ч. 1. С. 82–84.
- Маласханова И.А. Вклад М.Н. Хангалова в развитие этнографического отдела Иркутского областного музея // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2013. № 1 (72). С. 251–257.

- Маласханова И.А.* Этнограф и фольклорист Матвей Николаевич Хангалов (1858–1918) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Иркутск: БГУ, 2015. С. 296–307.
- Маннапов М.М., Псянчин А.В.* Этнография монгольских народов в Сибирском отделе Русского географического общества // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 388–403.
- Михайлов Т.М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII век). Новосибирск: Наука, 1980.
- Михайлов Т.М.* Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987.
- Палхаева Е.Н., Жукова Н.Е., Паликова Т.В.* “Школьная” повседневность начала XX века: по материалам дневников М.Н. Хангалова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. № 5. С. 79–86.
- Палхаева Е.Н., Паликова Т.В., Митупов К.Б.-М., Ангархаев Б.Б.* Дневники Хангалова М.Н. – ценный исторический источник по изучению истории прибайкальских бурят начала XX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 3. С. 125–130.
- Румянцев Г.Н.* Предисловие // М.Н. Хангалов. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. С. 3–12.
- Румянцев Г.Н.* Предисловие // М.Н. Хангалов. Собрание сочинений. Т. 2. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. С. 3–8.
- Хамаганов М.П.* М.Н. Хангалов как этнограф-фольклорист (1858–1958) // Советская этнография. 1959. № 5. С. 98–108.
- Хангалов М.Н.* Национальный праздник у бурят // Известия ВСОРГО. 1880. Т. XI. № 3–4. С. 30–34.
- Хангалов М.Н.* Зэгэтэ-аба – облава на зверей у древних бурят // Известия ВСОРГО. 1888. Т. XIX. № 3. С. 1–26.
- Хангалов М.Н.* Новые материалы о шаманстве бурят // Записки ВСОРГО. 1890. Т. II. Вып. I.
- Хангалов М.Н.* Несколько данных для характеристики быта северных бурят // Этнографическое обозрение. 1891. Т. X. № 3. С. 144–165.
- Хангалов М.Н.* Юридические обычаи у бурят // Этнографическое обозрение. 1894. Т. XXI. № 2. С. 100–143.
- Хангалов М.Н.* Молочное хозяйство // Известия ВСОРГО. 1900. Т. XXXI. № 1–2. С. 118–149.
- Хангалов М.Н.* Балаганский сборник // Труды ВСОРГО. Т. 5 / Ред. Г.Н. Потанин. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1903.
- Хангалов М.Н.* Подвижная школа // Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 2. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. С. 327–333.
- Хангалов М.Н.* Собрание сочинений. Т. 3. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1961.

Research Article

Bazarov, B.V., and S.G. Zhambalova. Matvei Nikolaevich Khangalov: An Intellectual Biography of a Distinguished Ethnographer [Matvei Nikolaevich Khangalov: intellektual'naia biografiia vydaiushchegosia etnografa]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 3, pp. 137–156. <https://doi.org/10.31857/S0869541524030082> EDN: BRCQEV ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Boris Bazarov | <http://orcid.org/0000-0001-5326-1317> | bazarov60@mail.ru | Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6 Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude, 670047, Russia)

Sesegma Zhambalova | <http://orcid.org/0000-0002-2672-8126> | zhambalovas@yandex.ru | Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6 Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude, 670047, Russia)

Keywords

Matvei Khangalov, intellectual biography, history of ethnography, Buryats, public educator, scholar

Abstract

In this article, we attempt to present an intellectual biography of the prominent Buryat ethnographer and public educator Matvei Khangalov (1858–1918). He remains an important figure in the Buryat public community, yet little attention has been paid to his life and work in anthropological studies. Drawing on archival and literary sources, as well as various recollections of his contemporaries, we explore his family background, pedagogical activities, public engagement, scholarly legacy and publications, tracing the chronology of his academic career and the scope of his field research and academic collaborations. The new findings shed light on the historical circumstances, shaped by the specific development of Mongol studies and ethnography within the Russian Empire, that provided the scholar with the opportunity to fully realize his creative potential.

References

- Agapitov, N.N., and M.N. Khangalov. 1883. Materialy dlia izucheniiia shamanstva v Sibiri. Shamanstvo u buriat Irkutskoi gubernii [Materials for the Study of Shamanism in Siberia: Shamanism among the Buryats of Irkutsk Province]. *Izvestiia VSORGO* XIV (1–2): 1–61.
- Basaeva, K.D. 1980. *Sem'ia i brak u buriat (vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka)* [Family and Marriage among the Buryats (The Second Half of the 19th–20th Century)]. Novosibirsk: Nauka.
- Bazarov, B.V., and A.M. Plekhanova. 2021. Buriat-Mongol'skii uchenyi komitet (1922–1929 gg.): etapy stanovleniia i organizatsiia pervykh nauchnykh issledovaniï [Buriat-Mongol Scientific Committee (1922–1929): Stages of Formation and Organization of the First Scientific Research]. *Oriental Studies* 14 (4): 697–709.
- Eremina, T.I. 2008. Gosudarstvennaia sluzhba uchitelei vedomstva ministerstva narodnogo prosveshcheniia v nachale XX veka [State Service of Teachers of the Department of the Ministry of Public Education at the Beginning of the 20 Century]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta* 5 (55): 74–79.
- Khamaganov, M.P. 1959. M.N. Khangalov kak etnograf-fol'klorist (1858–1958) [M.N. Khangalov as an Ethnographer-Folklorist]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 98–108.
- Khangalov, M.N. 1880. Natsional'nyi prazdnik u buriat [National Holiday of the Buryats]. *Izvestiia VSORGO* XI (3–4): 30–34.
- Khangalov, M.N. 1888. Zegete-aba – oblava na zveri u drevnikh buriat [Zegate-Aba, a Roundup of Animals from the Ancient Buryats]. *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva* XIX (3): 1–26.
- Khangalov, M.N. 1890. Novye materialy o shamanstve buriat [New Materials about Buryat Shamanism]. *Zapiski VSORGO* II (I).

- Khangelov, M.N. 1891. Neskol'ko dannyykh dlia kharakteristiki byta severnykh buriat [Several Data to Characterize the Life of the Northern Buryats]. *Etnograficheskoe obozrenie* X (3): 144–165.
- Khangelov, M.N. 1894. Yuridicheskie obychai u buriat [Legal Customs of the Buryats]. *Etnograficheskoe obozrenie* XXI (2): 100–143.
- Khangelov, M.N. 1900. Molochnoe khoziaistvo [Dairy Farming]. *Izvestiia VSORGO* XXXI (1–2): 118–149.
- Khangelov, M.N. 1903. Balaganskii sbornik [Balagan Collection]. *Trudy VSORGO* 5.
- Khangelov, M.N. 1959. Podvizhnaia shkola [Mobile School]. In *Sobranie sochinenii* [Collected Works], by M.N. Khangelov, 2: 327–333. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Khangelov, M.N. 1961. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 3. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Klements, D.A., and M.N. Khangelov. 1910. Obshchestvennye okhoty u severnykh buriat (Zegete-aba – okhota na rosomakh) [Public Hunting among the Northern Buryats (Zegeta-Aba – Hunting for Wolverines)]. *Materialy po etnografii Rossii* (St. Petersburg) 1: 117–154.
- Kolesnik, L.M., T.L. Pushkina, and V.V. Svinin. 2001. VSORGO i muzeinoe delo v Irkutске [VSORGO and Museum Work in Irkutsk]. In *Kraevedcheskie zapiski* [Local History Notes], 8: 5–27. Irkutsk: Ottisk.
- Ktsoeva, S.G. 2013. Metodologicheskie aspekty sostavleniia intellektual'noi biografii uchenogo (opyt mezhdistsiplinarnogo istoricheskogo issledovaniia zhizni i tvorchestva Karla Yaspersa) [Methodological Aspects of Compiling an Intellectual Biography of a Scientist (Experience of Interdisciplinary Historical Research of the Life and Work of Karl Jaspers)]. *Gramota* 9/1: 82–84.
- Malaskhanova, I.A. 2013. Vklad M.N. Khangelova v razvitie etnograficheskogo otdela Irkutskogo oblastnogo muzeia [Contribution of M.N. Khangelov to the Development of the Ethnographic Department of the Irkutsk Regional Museum]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* 1 (72): 251–257.
- Malaskhanova, I.A. 2015. Etnograf i fol'klorist Matvei Nikolaevich Khangelov (1858–1918) [Ethnographer and Folklorist Matvey Nikolaevich Hangalov]. In *Rossiia i Mongoliia: novyi vzgliad na istoriiu (diplomatiia, ekonomika, kul'tura)* [Russia and Mongolia – A New Perspective on History (Diplomacy, Economy, Culture)], 296–307. Irkutsk: Baikal'skii gosudarsnvennyi universitet.
- Mannapov, M.M., and A.V. Psianchin. 2023. Etnografiia mongol'skikh narodov v Sibirskom otdele Russkogo geograficheskogo obshchestva [Department of the Russian Geographical Society: Ethnographic Research of the Mongolic Peoples]. *Oriental Studies* 16 (2): 388–403.
- Mikhailov, T.M. 1980. *Iz istorii buriatskogo shamanizma (s drevneishikh vremen po XVIII vek)* [From the History of Buryat Shamanism (From Ancient Times to the 18 Century)]. Novosibirsk: Nauka.
- Mikhailov, T.M. 1987. *Buriatskii shamanizm: istoriia, struktura i sotsial'nye funktsii* [Buryat Shamanism: History, Structure and Social Functions]. Novosibirsk: Nauka.
- Palkhaeva, E.N., N.E. Zhukova, and T.V. Palikova. 2020. “Shkol'naia” povsednevnost' nachala XX veka: po materialam dnevnikov M.N. Khangelova [School Everyday Life at the Beginning of the 20th Century: Based on the Diaries of M.N. Khangelov]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* 15 (5): 79–86.

- Palkhaeva, E.N., T.V. Palikova, K.B.-M. Mitupov, and B.B. Angarkhaev. 2021. Dnevnikhi Khangalova M.N. – tsennyy istoricheskii istochnik po izucheniiu istorii pribai-kal'skikh buriat nachala XX v. [Diaries of M.N. Khangalov – A Valuable Historical Source for Studying the History of the Baikal Buryats at the Beginning of the 20th Century]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri* 3: 125–130.
- Rumiantsev, G.N. 1958. Predislovie [Foreword]. In *Sobranie sochinenii* [Collected Works], by M.N. Khangalov, I: 3–12. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Rumiantsev, G.N. 1959. Predislovie [Foreword]. In *Sobranie sochinenii* [Collected Works], by M.N. Khangalov, II: 3–8. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Zalkind, E.M. 1945. *M.N. Khangalov*. Ulan-Ude: Buriat-Mongol'skoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Zalkind, E.M., and P.T. Khaptaev. 1983. *M.N. Khangalov*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Zhambalova, S.G. 1991. *Traditsionnaia okhota buriat* [Traditional Buryat Hunting]. Novosibirsk: Nauka.
- Zhambalova, S.G. 2000. *Profannyi i sakral'nyi miry ol'khonskikh buriat* [Profane and Sacred Worlds of the Olkhon Buryats]. Novosibirsk: Nauka.
- Zhambalova, S.G. 2010. O zhizni i deiatel'nosti M.N. Khangalova: izvestnye i maloizvestnye fakty [About the Life and Work of M.N. Khangalov: Well-Known and Little-Known Facts]. In *Etnicheskaiia istoriia i kul'turno-bytovye traditsii narodov Baikal'skogo regiona* [Ethnic History and Cultural and Everyday Traditions of the Peoples of the Baikal Region], edited by B.V. Bazarov, 6–20. Irkutsk: Ottisk.
- Zhambalova, S.G. 2021. Biografiia D. Banzarova: praktika vzaimodeistviia vnutrenneaziatskoi traditsionnoi i evropeiskoi nauchnoi kul'tur v Rossii v XIX v. [Biography of D. Banzarov: The Practice of Interaction of Traditional Inner Asian Culture and European Scientific Culture in Russia in the 19th Century]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri* 1 (43): 110–117.
- Zhamtsarano, T. 2011. *Putevye dnevniki. 1903–1907 gg* [Travel Diaries: 1903–1907]. Ulan-Ude: Respublikanskaia tipografiia.
- Zhukova, N.E. 2022. Dar'ia Egorovna Khangalova: k probleme biografii zheny buriatskogo etnografa [Darya Yegorovna Khangalova: Towards the Biography of the Wife of the Buryat Ethnographer]. In *Prigranichnoe sotrudnichestvo: istoricheskie sobytiia i sovremennye realii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu vysshego yazykovogo obrazovaniia v Zabaikal'skom krae. Ch. 1* [Cross-Border Cooperation: Historical Events and Modern Realities: Materials of the International Scientific-Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Higher Linguistic Education in the Trans-Baikal Territory], edited by E.V. Drobotushenko and Y.N. Lantsova, 1: 126–129. Chita: ZabGU.
- Zhukova, N.E., and B.B. Angarkhaev. 2020. Nauchnoe nasledie Matveia Nikolaevicha Khangalova v trudakh uchenykh Baikal'skogo regiona [The Scientific Heritage of Matvey Nikolaevich Hangalov in the Works of Scientists of the Baikal Region]. *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii* 1: 43–50.
- Zhukova, N.E., E.N. Palkhaeva, and T.V. Palikova. 2021. “Uchitelia ili uchitel'nitsy zanimaiutsia okhotno i ne zhaluiutsia”: etnograf M.N. Khangalov na sluzhbe u prosveshcheniia [“Teachers or Female Teachers Work Willingly and do not Complain”: Ethnographer Khangalov in the Service of Education]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii* 2: 20–27.